ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2004, том 25, № 6, с. 73–81

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО СОБЫТИЯ НА КОСВЕННЫХ УЧАСТНИКОВ

© 2004 г. С. Н. Ениколопов*, С. В. Лебедев, Е. А. Бобосов*****

**Кандидат психологических наук, зав. отделом клинической психологии НЦПЗ РАМН, Москва*
***Младший научный сотрудник отдела клинической психологии НЦПЗ РАМН, Москва*
****Психолог-консультант, Москва*

Приводятся данные исследования влияния телетрансляции с места захвата заложников в театральном центре на Дубровке в Москве в октябре 2002 г. на людей, которые смотрели прямой эфир с места событий. На выборке 310 человек (178 женщин и 132 мужчины) показана роль средств массовой коммуникации во вторичной виктимизации.

Ключевые слова: посттравматические стрессовые расстройства, косвенные участники, средства массовой коммуникации, вторичная виктимизация, способы совладания.

Последние несколько десятилетий одной из актуальных проблем психологии является изучение возникновения и динамики специфических психологических реакций на травматические (экстремальные) жизненные события. Природные и техногенные катастрофы, локальные вооруженные конфликты, терроризм, насильственная преступность и другие стрессогенные события воздействуют на психику человека и способствуют возникновению отсроченных и затяжных реакций. В настоящее время существует большое количество разнообразных моделей, призванных объяснить происхождение и развитие симптоматической картины посттравматических стрессовых расстройствах (ПТСР) и разработать действенные и эффективные методы психотерапии. Практически все они стремятся учесть многоуровневость и многоаспектность проблемы [1, 2, 3, 4, 5, 9, 10].

В нашей стране, да и во всем мире, происходит много психотравмирующих событий, затрагивающих не только непосредственных участников, но и сторонних наблюдателей, которые с помощью средств массовой информации (СМИ) становятся косвенными участниками этих событий. Поскольку СМИ реалистично отражают происходящие события, люди вынужденно погружаются в них, как бы являясь непосредственными очевидцами, что может привести к некоторым нежелательным последствиям в их психическом состоянии.

Одним из ярких мировых аналогов данного феномена является гибель принцессы Дианы, когда сотни тысяч людей, не будучи родственниками или знакомыми этой женщины, или как-либо причастными к ее гибели, глубоко (вплоть до психотических проявлений) скорбели о ее кончине на протяжении длительного отрезка времени. Достаточно было простого наблюдения за реакцией людей, чтобы понять, что она выходит за рамки обычного в этих случаях для обывателей сопереживания и сочувствия. А ведь реакция людей на психотравму, степень адекватности и адаптивности их копинг-стратегий являются одним из критериев уровня психического здоровья основной популяции. Эта и подобные ей ситуация, по сути, является проявлением современной действительности, в которой человеку навязывается не только образ жизни, но и форма психических переживаний.

В нашей стране похожим явлением стала реакция людей на гибель подводной лодки “Курск” и на террористический акт, совершенный в октябре 2002 г. в здании, где шло представление мюзикла “Норд-Ост”.

В целом проблема посттравматического стресса как у непосредственных, так и косвенных участников психотравмирующих событий является еще мало изученной. Необходимо отметить, что наибольшим вниманием исследователей и практиков пользовались собственно участники стрессогенного события (первичные жертвы), а на переживания других вовлеченных в него людей (врачей, полицейских, психотерапевтов, родственников и друзей) обращалось не достаточное внимание.

Психологических и психиатрических исследований, посвященных изучению так называемых вторичных жертв, крайне мало, что явно не соответствует важности проблемы. Более того, нет общепринятого понятия “вторичная жертва” . Например, Figley и Kleber [9] понимают под вто-

ричной жертвой значимых для первичных жертв людей (например, родственники, супруги или дети), а также работников кризисных служб, спасателей, врачей и психотерапевтов. Соглашаясь с ними, ряд авторов рассматривают переживающих родственников и друзей первичных жертв как вторичные жертвы, а работников кризисных служб и спасателей как третичные жертвы [14].

Наше исследование посвящено изучению ПТСР на модели отраженного СМИ стрессогенного события – телетрансляции с места захвата заложников в театральном центре на Дубровке в Москве. В его задачу входило оценить наличие посттравматических стрессовых расстройств у тех людей, которые смотрели каждый день прямой эфир с места событий.

МАТЕРИАЛЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование было проведено на выборке 310 человек (178 женщин и 132 мужчины) через пять месяцев после событий на Дубровке. Испытуемые были гетерогенны по возрасту (от 18 до 75 лет, средний возраст 31 год) и социальному статусу. Обязательным условием участия в исследовании был факт ежедневного просмотра телепередач, посвященных захвату заложников в Москве. Испытуемые отвечали на вопросы опросников М. Горовца (IES) [11], С. Эпштейна (CTI) [7] и "Шкалы травматического опыта" [14].

"Опросник Субъективного Дистресса (ОСД) IES" [11] был адаптирован и стандартизован на русскоязычной выборке в 2000 г. [12, 13]. Он предназначен для определения наличия посттравматических стрессовых расстройств у лиц, переживших психотравмирующие события и рекомендуется к широкому использованию (массовых исследований). ОСД измеряет уровень постстрессовой реакции и тип ее протекания. Под типом протекания согласно разработанной М. Горовцем [10] теории понимается стадия развития постстрессового синдрома. Основываясь на классических и современных теориях травмы, Горовиц выделяет следующие стадии реакции на массивный стресс: Стадия I – массивный стресс и немедленная попытка совладания. Возможны состояния потрясения, ошеломления, замешательства, плач; Стадия II – блокация (отвержение и оцепенение). На этой стадии наличествует попытка избежать осознавания факта реальности, обычно сопровождаемая оцепенением. Это неадаптивные реакции типа ухода в себя, в алкоголь и наркотики, иногда ярость или расстройство сознания. Отвержение – оцепенение защищают Я от травматической информации; Стадия III – период колебания (отвержение и оцепенение – навязчивые воспроизведения). Навязчивые воспроизведения – это идеи, образы, "эмоциональные атаки", вызываемые внешними событиями. Они включают повторяющиеся неожиданные видения события и реакции страха с чувственными или ассоциативными напоминаниями о событии. Человек в отчаянии, он не способен ни работать, ни общаться с другими людьми. Колебание между отвержением – оцепенением и вторжениями продолжается до момента, пока информация не будет полностью переработана; Стадия IV – переход ("переработка"), ей свойственны состояния тревожности и депрессии; Стадия V – интеграция ("завершение переработки информации"). Относительное завершение реакции выражается в неспособности личности работать, творить, испытывать эмоции. Этот последний период может длиться достаточно долго, при этом симптоматика, хотя и достаточно мягкая, не исчезнет. Расхожая метафора "часть меня как будто умерла" описывает именно это состояние.

После стрессогенного события переживший его человек переживает блокацию или навязчивые воспроизведения, которые могут периодически сменять друг друга. Методика измеряет: какая стадия развития постстрессовой реакции в отношении некоторого стрессогенного события преобладает.

В целях данного исследования инструкция опросника была изменена. Ее содержание стало следующим "Если Вы следили за событиями, связанными с захватом заложников в театральном центре в Москве, укажите, насколько часто описанные ниже состояния имели место впоследствии".

Разработанный Сеймуром Эпштейном "Опросник конструктивного мышления (ОКМ-CTI)" [6, 7, 8] был адаптирован и стандартизован на русскоязычной выборке в 2000 г. [12, 13]. Методика измеряет уровень конструктивного мышления в соответствие с теорией С. Эпштейна о связи между хорошо развитым конструктивным мышлением и устойчивостью к стрессу. Опросник содержит в себе десять шкал, три из которых являются шкалами валидности, он хорошо зарекомендовал себя как в скрининговых исследованиях, так и в экспертной практике. Было показано, что у людей с явными постстрессовыми расстройствами в большинстве случаев (у 85%) обнаруживается низкий уровень конструктивного мышления, а у людей с низким уровнем конструктивного мышления практически всегда (в 94%) наблюдаются постстрессовые расстройства.

Общая "Шкала конструктивного мышления" – это биполярная шкала, характеризующая как конструктивное, так и деструктивное мышление. Люди, обладающие высоким баллом по общей шкале, прежде всего способны дивергентно мыслить. Они умеют подстраивать свой способ мышления к требованиям ситуации. В основном они

всегда оптимистичны, но бывают и пессимистичны в угрожающих ситуациях. Они стремятся контролировать ситуацию, когда это возможно и разумно, но готовы функционировать и в неконтролируемой ими обстановке. Конструктивно мыслящие люди принимают других такими какие они в равной степени это характеризует и их отношение к самим себе. В неприятных ситуациях они не думают о других как о "плохих" или "хороших", а стараются решить проблему. Чем лучше развито конструктивное мышление, тем в нем больше отражается способность к эмоциональному и поведенческому совладанию, и тем меньше в нем элементов эзотерического, категорического и личностно-суеверного мышления.

Люди, обладающие высоким баллом по шкале "Эмоциональное мышление", способны справляться с неприятной ситуацией без развития стресса, так как у них стабильная самооценка. Они не склонны все принимать близко к сердцу, не особенно чувствительны к неодобрению, отказам или к собственным промахам. Они не застревают на прошлых неудачах и характеризуются не столько склонностью к мышлению, порождающему положительные эмоции, сколько склонностью к избеганию мышления, порождающего отрицательные эмоции. Поэтому они обычно не столько радостны и полны энергии, сколько просто спокойны и уравновешены.

Шкала "Поведенческое совладание" измеряет склонность мыслить так, чтобы затем эффективно действовать. Люди, обладающие высоким баллом по этой шкале, обычно оптимистичны, экстравертированы, полны энтузиазма, энергии, очень внимательны. Их оптимизм исходит из способности действовать и уверенности в эффективности своих действий. Они способны тщательно планировать свою деятельность, если этого требует ситуация, принимают других, и не злопамятны, сохраняют энергию для эффективных действий по решению проблемы.

Шкала "Категорическое мышление" измеряет склонность людей видеть мир только как "черный или белый" без различения деталей. Ригидность мыслительных процессов и максимализм делают таких людей предвзятыми, быстро раздражающимися и злящимися при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы. В тоже время развитое категорическое мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям.

Шкала "Эзотерическое мышление" измеряет насколько люди верят в загадочные, не поддающиеся научному толкованию феномены, такие, как привидения, астрологические прогнозы, хорошие и дурные предзнаменования, общепринятые суеверия. До определенного момента эзотерическое мышление характеризует уровень открытости разума к непознанному. Однако слишком высокий балл по этой шкале предполагает недостаточную критичность и опору в поведении на тонкие необъяснимые ощущения, что может приводить к частичной утрате восприятия и оценки реальности.

Шкала "Личностно-суеверное мышление" определяет склонность людей к личным суевериям, например "если желать чего-то слишком сильно, именно это и не даст случиться желаемому" или "если случится что-то хорошее, вслед за ним непременно произойдет что-то плохое". Люди с высоким баллом по данной шкале больше ориентированы на избегание неудач, нежели на достижение успеха.

Шкала "Наивный оптимизм" позволяет установить, насколько люди необоснованно оптимистичны. Если обоснованный оптимизм, включенный в фактор поведенческого совладания, адаптивен, то наивный – наоборот. С одной стороны, "наивные оптимисты" всегда в хорошем настроении, их все любят, и они преуспевают в политике. С другой – слишком высокие баллы по данной шкале означают простецкое отношение к жизни и неспособность осознавать угрозу, когда она возникает, и принимать адекватные меры.

Опросник имеет шкалы валидности: "Шкалу защиты" (Социальной желательности), "Шкалу Lie-free" (Свободы от лжи) и собственно "Шкалу валидности". В первую отбирались социально желательные ответы. Анкету следует считать невалидной при отклонении полученного балла от среднего значения на 2σ. При этом отмечается, что в целом профиль защиты у людей с хорошо развитым конструктивным мышлением выше, так как у них в действительности больше способностей и меньше обычных человеческих слабостей.

В "Шкалу Lie-free" отбирались утверждения, коррелировавшие с Общей шкалой. Если балл по "Общей шкале" выше балла по шкале "Lie-free" на 1σ, считается, что испытуемый пытался выставить себя в максимально благоприятном свете. Если же балл по "Общей шкале" меньше на 1σ, чем балл по шкале "Lie-free", можно полагать обратное: испытуемый пытался выставить себя в максимально неблагоприятном свете.

В "Шкалу валидности" вошли утверждения универсально ложные или правдивые. Она предназначена для оценки уровня понимания испытуемым утверждений опросника и для отбраковывания анкет, заполненных небрежно. Анкету можно считать невалидной при отклонении балла от среднего значения на 1σ.

"Шкала травматического опыта" [14] является клинической шкалой. Она содержит в себе вопросы о наличии тех или иных стрессогенных событий в жизни респондента и была адаптирована в

2003 г. В противовес опроснику Горовца она оценивает со слов испытуемого его объективный уровень стрессированности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

24% испытуемых (10% женщин и 14% мужчин) оказались ПТСР-позитивны (по результатам измерения опросником Горовца). Реакция блокации наблюдается чаще у мужчин.

По результатам дисперсионного анализа (ANOVA, $p < 0.05$) реакция по типу блокации на освещение журналистами событий на Дубровке оказалось связана с полом (MS = 40.365, df = 1, F = = 12.068, $p = 0.002$). Этот тип реакции в 2.5 раза чаще наблюдался у мужчин. Также с ним связана такая характеристика, как стремление к аггравации/диссимуляции (MS = 173.287, df = 1, F = 34.620, $p < 0.001$). Если мужчинам более свойственно аггравировать, т.е. усиливать свою симптоматику, то женщинам наоборот – диссимулировать, т.е. соответственно ослаблять ее.

Стремление аггравировать/диссимулировать также оказалось коррелирует с возрастом (rho = –0.167, $p = 0.049$) и с баллом по шкале блокация (rho = –0.206, $p = 0.003$). Таким образом, чем старше мужчина, тем он больше стремится аггравировать, а результаты его аггравации отражаются высоким баллом по шкале блокация.

Возраст испытуемых оказался связан с уровнем навязчивых воспроизведений (rho = 0.682, $p < 0.001$). Чем старше были испытуемые, тем с большей вероятностью у них наблюдался завышенный показатель по “Шкале навязчивые воспроизведения”.

Чем выше балл по шкале “Блокация”, тем оказалась ниже способность к поведенческому совладанию (rho = –0.516, $p = 0.004$).

Чем выше балл по шкале “Навязчивые воспроизведения”, тем ниже балл по шкале “Эмоциональное совладание” (rho = –0.409, $p = 0.028$) и тем выше балл по шкалам “Поведенческое Совладание” (rho = 0.645, $p < 0.001$), “Эзотерическое Мышление” (rho = 0.558, $p = 0.002$) и “Наивный Оптимизм” (rho = 0.465, $p = 0.011$).

Люди, отметившие в “Шкале травматического опыта”, что они пережили развод с супругом/супругой, с высокой степенью вероятности обнаруживают высокий показатель по шкале “блокация” (MS = 28.645, df = 1, F = 7.137, $p = 0.015$).

Полученная в данном исследовании корреляция между высоким баллом по шкале “Блокация” и низким показателем по шкале “Поведенческое совладание”, может быть объяснена тем, что основная часть испытуемых, находившихся на стадии блокации – мужчины. В наших скрининговых (массовых) исследованиях нормальной выборки было показано, что сниженный балл по шкале “Поведенческое совладание” значительно чаще встречается именно у мужчин. В данном случае низкий показатель по данной шкале, по всей видимости, является преморбидным (доболезненным) фактором, определяющим дальнейшее развития постстрессовой симптоматики.

Положительная корреляция между баллами по шкалам “Поведенческое совладание” и “Навязчивые воспроизведения”, скорее всего, является артефактом. Шкалы “Навязчивых воспроизведения” и “Блокация” опросника ОСД имеют высокую обратную корреляцию при $p < 0.001$. По всей видимости, отсюда и шкала “Поведенческое совладание” опросника ОКМ, оказавшись связанной со шкалой “Блокация”, автоматически обнаружила положительную корреляцию со шкалой “Навязчивые воспроизведения”.

Различающиеся по полу нормативные данные по использованным нами методикам позволяют утверждать наличие гендерных различий в реакции на такой стрессор, как трансляции телепередач с места захвата заложников в Москве.

Мужчины с низкой способностью к поведенческому совладанию в результате просмотра таких передач будут чаще обнаруживать реакцию по типу избегания и отрицания происходящего. По всей видимости, мужчины, пережившие развод с супругой, оказываются также в группе риска относительно развития у них фазы блокации.

Низкие показатели по шкале “Эмоциональное совладание” вкупе с высокими показателями по шкалам “Эзотерическое мышление” и “Наивный оптимизм” будут, по всей видимости, приводить к развитию флэшбеков* и навязчивым мыслям о произошедшем.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты говорят об острой актуальности исследования косвенных жертв психотравмирующих событий и роли средств массовой коммуникации в виктимизации населения. Количество психологических и психиатрических исследований, посвященных изучению так называемых вторичных и третичных жертв психотравмирующих событий, явно не соответствует важности проблемы. Особую остроту приобретает изучение воздействия средств массовой информации на сторонних наблюдателей, которые с их помощью становятся косвенными участниками этих событий. Большое количество людей вынужденно становятся непосредственными очевидцами сильных стрессогенных событий, что отражается на уровне психического здоровья основной популяции. Необходимо отметить, что большая часть из этих людей не может адекватно атрибутировать происходящее. Это снижает степень адек-

* Флэшбек – острое воспоминание о прошлых событиях сопровождающееся зачастую галлюцинациями. – *Ред.*

ватности и адаптивности их копинг-стратегий, т.е. способов совладания.

В дальнейшем необходимо не только обратить внимание на выявление и изучение индивидуально-психологических особенностей группы риска и разработку методов их эффективной профилактики, но и на исследование способов минимизации негативного воздействия СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ениколопов С.Н.* Психотерапия при посттравматических стрессовых расстройствах // Российский психиатрический журнал. 1998. № 3. С. 50–56.
2. *Роштейн В.Г.* Посттравматический стрессовый синдром // Руководство по психиатрии / под ред А.С. Тиганова. Москва, 1999 .
3. *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
4. *Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О.* Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психол. журн. 1992. № 2. С. 14–29
5. *Тарабрина Н.В.* Посттравматический стресс: междисциплинарные аспекты изучения // Психология: современные направления междисциплинарных исследований. М., 2003.
6. *Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory: An integrative theory of personality // The relational self: Convergences in psychoanalysis and social psychology. Ed. R. Curtis. New York: Guilford Press,1991. P. 111-137.
7. *Epstein S.* Manual for the Constructive Thinking Inventory. N.Y., 1993
8. *Epstein S., Meier P.* Constructive Thinking: A Broad Coping Variable with Specific Components // J. of Personality and Social Psychology. 1989 Aug. V. 57(2). P. 332–350
9. *Figley C.R., Kleber R.J.* Beyond the victim: Secondary traumatic stress // Beyond Trauma. N.Y., 1995.
10. *Horowitz M.J.* Stress Response Syndromes. N.Y., 1992.
11. *Horowitz M.J. et al.* Impact of Event Scale: A Measure of Subjective Stress // Psychosomatic Medicine. 1979. V. 41(3).
12. *Lebedev S., Enikolopov S.* Adaptation of the inventories that measure PTSD correlatives – IES by Horowitz and CTI by Epstein // Dealing with Diversity, Book of Abstracts, Fifth Congress of the ISCRAT. Amsterdam, 2002.
13. *Lebedev S., Enikolopov S.* PTSD Investigation Methods // Psychology in the Baltics: At the Crossroads, Abstracts from the 5th International Baltic Psychology Conference. Tartu, 2002.
14. *Nijenhuis E.R.S., Van der Hart O, Vanderlinden J.* The Traumatic Experiences Checklist (TEC) // Nijenhuis E.R.S., Somatoform dissociation: Phenomena, measurement and theoretical issues. Assen, Van Gorcum, 1999.

AN INFLUENCE OF EXTREME EVENT ON THE INDIRECT PARTICIPANTS

S. N. Enikolopov*, S. V. Lebedev, E. A. Bobosov*****

**Cand. sci. (psychology), head of department of clinical psychology SCMH RAMS, Moscow*

***Research assistant, the same place*

****Psychologist-consultant, Moscow*

The data concerning influence of TV translation from the place of capturing the victims in the theatre centre on Dubrovka in October, 2002 on people who watched live translation. The role of mass media in secondary victimisation is displayed on the sample in 310 subjects (178 female, 132 male).

Key words: posttraumatic stress disorders, indirect participants, mass media, secondary victimisation, coping strategies.

ОБУЧЕНИЕ ИГРЕ В ШАХМАТЫ КАК СРЕДСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2004 г. Е. В. Романина*, А. Я. Габбазова**

** Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии РГУ ФК, Москва*

*** Аспирант, там же*

Исследуется положительное влияние занятий шахматами на развитие познавательных процессов у младших школьников. Рассматривается экспериментальная методика начального обучения игре в шахматы детей младшего школьного возраста с использованием методов активизации мыслительной деятельности и при оперировании наглядно-образными схемами.

Ключевые слова: шахматные позиции, наглядно-образные схемы, алгоритмы решения шахматных позиций, память, контрольная и экспериментальная группы, наглядно-образное мышление.